

РАСПЛАТА ИЗ ПРОШЛОГО

МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

ВЛАДА ВЕРШИНИНА

18+

Влада Вершинина

Расплата из прошлого

«Автор»

2026

Вершинина В.

Расплата из прошлого / В. Вершинина — «Автор», 2026

«Расплата из прошлого» — сборник мистических историй о том, что не всё в жизни можно объяснить случайностью. Прошлое умеет возвращаться, старые поступки — напоминать о себе, а необъяснимые события иногда становятся частью самой обычной реальности. В книге — истории о колдовстве, предчувствиях, знаках судьбы, странных совпадениях, встречах с тем, что невозможно увидеть и измерить привычными способами. Здесь нет выдуманного сказочного мира: мистика вторгается в повседневность, заставляя героев вспоминать, переосмысливать и расплачиваться за то, что когда-то казалось забытым. Это книга о тайнах, человеческих поступках и невидимых связях между прошлым и настоящим. О том, что иногда последствия приходят спустя годы — именно тогда, когда их уже никто не ждёт. Каждая история оставляет после себя вопрос: где заканчивается совпадение и начинается то, чему мы пока не умеем находить объяснение? Возможно, ответы ближе, чем кажется.

© Вершинина В., 2026

© Автор, 2026

Влада Вершинина

Расплата из прошлого

Глава 1

РАСПЛАТА ИЗ ПРОШЛОГО

Мистические истории

Влада Вершинина

ПРОЛОГ

Многие совершают такие поступки, о которых потом жалеют. Но не все понимают, что к ним вернулось то, что они однажды бросили в пространство. На вопрос «За что мне такое? Живу, ничего плохого никому не делаю?!» есть ответ — зло всегда возвращается. Вы уверены, что честны перед самим собой? Подумайте, может, чего и вспомните. Конечно, заполучить порчу можно и случайно. Но так ли это? Ничего не бывает случайно, поверьте. И «чужая» порча становится вашей, потому что к этому были предпосылки. Возможно, эти рассказы помогут не совершать ошибок, чтобы потом не уворачиваться от виражей бумеранга, которые очень непредсказуемы. В книге описаны реальные истории реальных людей.

Не верите в колдовство? Это не значит, что его нет. От всей души желаю вам, дорогие читатели, чтобы ваши пути с колдовством никогда не пересекались.

Из рассказа «Букет из преисподней»

«У преисподней всегда одно условие — жертва за это наказание — жизнь „исполнителя“, вырастившего эти розы. Но нередко преисподняя принимает откуп — подмену, замену. Это значит, что вместо себя „мститель“ может продать душу своего кровного родственника. Это могут быть: сын, дочь, внуки сестры, братья, мать, отец и так далее — потомки. „Продают“ и друзей. Бывает, что удастся „выкупить“ проданную душу из адова плена. Главное вовремя понять, что это проданная душа, что может привести, в том числе, и к сильнейшему психическому расстройству. В последнее время участились обращения к колдунам за наказанием виновного в гибели родных, близких, любимых. Люди не жалеют средств, лишь бы тот, кто причинил страдания, тоже страдал или вовсе исчез с лица Земли. Это все потому, что зачастую виновникам удается избежать наказания по Закону: выкупились, откупились, родственники высоких чинов и так далее. Но те, кому причинили боль, тоже чьи-то родные. И каждый, кто убил, задавил и так далее, но остался безнаказанным, должны помнить и понимать, что пострадавшим совсем необязательно нанимать киллера с пистолетом или снайперской винтовкой. Пострадавшему, жертве достаточно тихо прийти к колдуну и к каждому виновнику, избежавшему наказания, могут прийти с букетом из „преисподней“».

ПУТЬ В КОЛДОВСТВО

Когда мне было шестнадцать лет, я получила письмо от отца.

В письме он написал такие строки: (цитирую)

«...хоронить не поеду, боюсь, что у меня появится желание воткнуть ей в грудь осиновый кол. Видно, ей мать (моя бабушка — примечание автора) своё чёрное колдовство передала, когда умирала. Твоя бабушка была колдуньей, если ты этого еще не знала. Дочери замуж не давала выйти, потому что передать ей своё колдовство хотела. Передала или нет, не знаем. Братья тоже интересовались, так как одна она (сестра отца — примечание автора) в тот вечер заходила в комнату к умирающей матери. Скорей всего ей и передала...».

Не знаю почему, но на это письмо отца я не ответила. Слова о передаче колдовства не восприняла. Меня не сильно расстроило известие о смерти тётушки. В силу возраста, и потому что мы уехали из этого города, когда мне было одиннадцать лет, до сердца не дошло. Не зря же пословица народная гласит: «С глаз долой — из сердца вон». С ней мы почему-то не переписывались. Моя мать ни с отцом, ни с ней не общалась вообще. У неё какие свои обиды были на эту семью. Позже в памяти не раз всплывали слова из письма отца о том, что бабушка была колдуньей. И происходило это в периоды, когда я в гневе выпуливала какие-либо мерзости, вроде «...чтоб тебя...» в адрес какого-либо человека или даже животного, и с ним что-то происходило. Необязательно фатальное, но происходило. Вот ведь...

Уже позднее, будучи взрослой, я поняла всю мерзость своих «выпуливаний» и драматические последствия таких посылов. Из-за угрозы насмешек надо мной, я никогда нигде не озвучивала слова отца о том, что бабушка была колдуньей. Времена не те были, чтобы такую правду в люди выносить. Засмеяли бы — это в лучшем случае. Уже позднее я узнала, что моя прапрабабушка (по линии отца) была таборной цыганкой и сильной колдуньей. Этим объясняется моя любовь к цыганам и всему что с ними связано. Прабабушка была двойной помесью и колдуньей. Бабушка — тройная помесь, тем не менее — сильной колдуньей, а отец — многонациональная помесь.

Мне досталась лишь небольшая частичка от степных и вольнолюбивых предков: петь цыганские песни, плясать цыганские танцы, играть на гитаре, слух и голос — все от них. Моя мама была украинкой — певучая национальность. Много лет спустя, я сопоставила, связала и поняла, что продолжательницей своего дара бабушка выбрала меня. Вспомнила лето шестьдесят четвёртого. Тогда мне было семь лет, и я многого не понимала, но хорошо запомнила ту, очень светлую летнюю ночь. Дом был пятистенок. Кровать бабушки стояла у печи, сторона которой была и стеной комнаты. Тёплое местечко. Помню, как бабушка умирала и всё подзывала меня к себе, прося подать ей кружку с водой. После третьей попытки бабушки подозвать меня, моя тетушка вывела меня из дома. Как я поняла позднее, бабушка хотела передать колдовство. Не получилось

Где-то на заре замужества

Лето. Зелень. Жарко. В тот день муж приехал на обед. Работал он в совхозе водителем на молоковозе. Жили мы в большом селе — центральной усадьбе совхоза. И поскольку муж работал в совхозе, нам дали часть дома: большая комната, кухня, тамбур и даже крылечко было. В придачу небольшой огородик и сарайчик. Так вот, вывез он утреннее молоко с фермы и приехал отдохнуть. Пообедав, прилёг на диван и уснул. Я помыла посуду и, зашторив все окна и включив телевизор, прилегла и задремала. Послышался стук в окно на кухне. Не знаю почему, но мне он показался неестественным каким-то.

Стало жутко. Я встала и на цыпочках двинулась в кухню. И хотя я знала, что на улице полдень мне казалось, если я отодвину штору, то увижу темноту. Стало так жутко, что хотелось побежать назад и разбудить спящего мужа. Но меня удержала мысль о том, что тот, кто постучал в окно, мог слышать мои шаги. Я подкралась к окну. Буквально на пару миллиметров отодвинула штору, чтобы посмотреть, кто прервал дневную дрему. Перед окном стояла высокая худая женщина, одетая во все чёрное. Вместо лица у неё было круглое белое пятно.

Мне стало жутко, как будто за мной пришла смерть. Я старалась дышать через раз, чтобы она меня не обнаружила. Мысленно задала ей вопрос, что ей нужно. И где-то на телепатическом уровне услышала ответ, что она пришла посмотреть, готова ли я. Я испугалась так, что внутри все похолодело. Если она говорит о смерти, то мне ещё рано, я молодая, чтобы умирать. Женщина повернулась и пошла к дому соседки, тёти Нади. Я смотрела ей вслед. Было лето, а я слышала скрип снега у неё под ногами.

Женщина подошла к дому соседки напротив и постучала в окно. Я увидела, как створки окна распахнулись, и тётя Надя выглянула в окошко. Затем рукой показала на мой дом. Я словно прилипла к стенке у окошка и слушала. Скрип шагов всё ближе и ближе. У окна затих, и я услышала: «Не бойся, внучка, это я...»

Вижу, ты ещё не готова слышать, понять и принять...» И снова скрип удаляющихся шагов. Я выдохнула. Спина была мокрая от страха. Сердце колотилось. Доплелась до дивана. Очнулась, или проснулась оттого, что меня позвал муж. Так и не поняла, сон это был или явь. Мужа не стала спрашивать, он спал и вряд ли что видел бы, даже если это было наяву. Рассказывать ему не стала. Я поняла, что приходила моя бабушка-колдунья. И потом, когда я заходила в жизненный тупик, она (всегда во сне) помогала мне своими рекомендациями и советами. А нередко и предсказаниями. Но всё это происходило как-то загадочно — мыслеформой. Иногда, конечно, что-то делала мне в помощь. Как я позднее убедилась, когда меня долго и незаслуженно обижали. Но чернокнижничать никогда не предлагала. Наверное, и правда, запретили ей.

Когда мне исполнилось семнадцать с половиной лет, я решила начать самостоятельную жизнь. Правда тогда ещё не решила, чем буду заниматься, хотя профессия у меня уже была. Я закончила культпросветучилище и курсы киномехаников, которые «прилагались» к обучению в училище. Затем благополучно отработала практику, получила диплом и «корочки» киномеханика второй категории. Но случайная встреча определила мою дальнейшую судьбу. Жили мы в деревне недалеко от районного города, у бабушки — матери моего отчима, куда мы переехали в марте тысяча девятьсот семьдесят пятого с Севера. Мне почему-то было неуютно у неё. Хотя нужно отдать должное — она была добра ко мне, не обижала. Однажды я пошла по воду к колодцу и встретила там с девушкой из соседнего дома. Она работала в районном городе на швейной фабрике. Предложила и мне устроиться к ним.

Я не раздумывала. Хотелось уехать из деревни. Устроилась на фабрику ученицей швеи. До восемнадцати лет оставалось два месяца, а потом меня посадили бы на какую-нибудь операцию пошива — на фабрике шили зимние и осенние пальто. Месяц я ездила в город из деревни. Уставала, конечно: рано вставала, поздно возвращалась. И однажды мы со своей соседкой решили снять комнату на двоих, чтобы не ездить. Решили — сделали. Уже не помню кто нам посоветовал сходить к одной пожилой женщине — для нас молодых она была такой. У неё был свой частный дом недалеко от фабрики — метров пятьсот всего.

Мы пришли к ней. На мою подружку она взглянула мельком. А на меня пристально минуты две смотрела, напоминая мне ведьму (панночку) из нашего советского ужастика под названием «Вий». Провела в дом. Ничего так, ухоженный. Поговорили. Согласилась взять нас на постой. Не за деньги, а за помощь по хозяйству. Нам это было на руку, так как у меня заработки ученические были — маленькие. Едва на поесть хватало. Не говоря уже о покупке каких-либо вещей для себя. Но я не заостряла на этом внимания, поскольку не была избалована нарядами от дизайнеров — устраивала та одежда, в которой я ходила. В общем, приняла нас наша квартирная хозяйка, и стали мы жить-поживать, огороды копать, полы мыть, подметать двор и так далее. Прямо как бабушкины внучки. Подружка моя вскоре дала дёру обратно к маменьке в деревню — там её так не загружали работой. А я осталась. Привычная, не белоручка — у нас всегда хозяйство было немалое: огород, скот, куры, теплицы, парники.

Тёте Саше (хозяйке) было пятьдесят два года, а мне она казалась очень пожилой. Меня она не обижала. Кормила-поила, и даже одежонку кое-какую справляла. Я счастливой была — уют, забота обо мне, работа нормальная и, хоть и небольшая, но собственная зарплата. Ещё и гордилась — в деревню несколько раз из города продукты и арбузы возила. Но не задерживалась там. Обратно спешила. Туда, где мне было теплей и уютней. В заботе, работе я не заостряла внимание на том, что к тёте Саше часто заходили люди. Приходят, уходят. Все как-то мимо меня проходило. Однажды мы с ней сидели в кухне и чаёвничали. В дверь постучали. Вошла женщина. У неё было перекошено лицо. Тётя Саша сказала, чтобы она присела на лавку у двери, и что займётся она ею, как только допьёт чай. Закончив чаёвничать, подошла к женщине и, внимательно посмотрев ей в лицо, спросила: «Свекровка конфетой угостила?» «Да», — тихо ответила женщина и заплакала. Тётя Саша увела женщину в свою таинственную недвижимую за плотным забором в глубине участка, куда мне без неё вход был категорически запрещён.

Я вознамерилась пойти следом, но тётя Саша жестом остановила меня, сказав мне: «Успей ещё, насмотришься». Я вернулась к столу. Вскоре тётя Саша вернулась. И как ни в чём не бывало, села чаёвничать дальше. Вскоре история повторилась. Только пришла женщина, у которой судорогой свело правую руку. Тётя Саша спросила: «Что „плюшку“ померила?». И получив утвердительный ответ, увела женщину туда же, куда водила и первую. Я тогда уже знала, что «плюшкой» в деревнях называли курточку из бархата.

Я не раз попыталась задать вопрос, как она узнает о том, что кто ест и надевает. Но она пресекла моё любопытство, сказав: «Придёт время, ты и сама будешь понимать и видеть». Слова эти для меня были трудной загадкой. Как-то пошли мы с тётей Сашей на городской рынок. Идём, разговариваем. Я обратила внимание на пожилую женщину. Даже не пожилую, а старушку, как мне тогда показалось. Мне восемнадцать и все, кто старше тридцати лет, для меня были старые.

Так вот, старушка веником подметала тротуар. Я посмеялась над ней: «Она что, сумасшедшая?» Но тётя Саша жёстко одёрнула меня, сказав, что эта старушка — колдунья. Веником она не подметает, а наводит порчу на обездвиживание, и хорошо, что она не услышала мою насмешку. И добавила: «А то пришлось бы мне из-за тебя с ней повоевать». Я не поняла смысла сказанного и спросила, как это — воевать. Она ответила: «Придёт время, узнаешь, что и как». Немного забегаю вперёд, скажу, что вот такие резкие одёргивания приучили меня не задавать много вопросов. И, действительно, пришло время, когда я получила ответы на все заданные мной вопросы тёте Саше. Но это было потом. А до тех пор...

Как-то раз с утра мы попили чай, и она предложила мне покормить её поросёнка. Я удивилась — я же помогала ей по хозяйству и поросят не было. Я слышала, что где-то что-то хрюкало, но всегда думала, что эти звуки идут из свинарника соседей. Она повела меня в пристройку — ту самую таинственную жилплощадь за забором в глубине участка, которая всегда была под замком и влекла меня. Мы вошли. Тётя Саша подтолкнула меня к какой-то двери в глубине пристройки. Любопытство сменил лёгкий страх. Не скажу, что я пыталась справиться с ним, но боялась и шла. Темновато как-то. Тётя Саша обошла меня вокруг и подойдя к обозначившейся в полумраке двери, застучала замком. Открыв дверь, жестом пригласила меня войти. Это был небольшой хлев. Горел свет.

Она повела меня к клетке, в которой, по её словам, находился поросёнок. Каково же было моё удивление, когда я увидела огромную свинью. Веса в ней было килограммов триста. Я не сдержалась от удивления: «Ничего себе поросёночек!» — воскликнула. Силу моих эмоций словами не передать. Тётя Саша жестом показала мне путь к выходу. Вышли молча. Боковым зрением я заметила, что в хлеву есть несколько небольших клеток с маленькими поросятами. Заметила и насест, на котором восседали с десяток черных кур. На выходе из хлева висело большое круглое зеркало. Тётя Саша велела мне посмотреться в это зеркало. Зачем, мне было непонятно. Но я уже поняла, что лишних вопросов тёте Саше задавать нежелательно. Вошли в дом, и тётя Саша подала мне веточку какого-то растения и велела подержать. Забрала обратно. Все. Что все это значило, она не объяснила. На следующий день мы, как обычно утром, сели чаёвничать.

И тут тётя Саша мне выдаёт, что она колдунья и вчера проверяла мои способности. Сказала и то, что свинья эта рождает ей поросят, которых она использует потом в качестве объекта для отнosa и переноса снятой порчи. Мне она поведала, что у меня огромные колдовские задатки. Она сразу определила, что моя бабушка была колдуньей. Определила и то, что колдовство мне не передавалось. Но знала — бабушка найдёт способ, как передать мне своё умение. А опыт — дело наживное. Я спросила, как она это все определила. Она рассмеялась: «свинья разоткровенничалась». Оказывается, тётя Саша меня первую и последнюю повела к этой свинье.

Тётя Саша предупредила меня, что в моих словах негативная сила большая, и, если я обдуманно, осознанно и неосторожно бросать их в людей, много беды наделаю. Кроме того, она мне сказала, что и в руках у меня сила большая.

Нет, не целительская или экстрасенсорная, а разрушительная. В этом я уже потом, в течение своей жизни убеждалась и убеждаюсь. Она сказала мне, чтобы я училась управлять своей силой и эмоциями. А вот как научиться управлять, не сказала. На мой вопрос, может ли она меня научить чему-либо, ответила, что я ещё не готова принять колдовскую силу и знания. Придёт время и всё само собой образуется, все и совершится. Но велела не ждать

этого намеренно, а жить своей жизнью. Придёт срок — всему и научусь. Вскоре я уволилась с работы и уехала от тёти Саши домой. Затем вышла замуж. И как-то стали забываться её слова о колдовстве. Навещала я её несколько раз. Она принимала меня, как родную. Но о колдовстве разговора больше не заводила. Теперь я понимаю, мудро поступала — не провоцировала меня в моих желаниях и эмоциях. Она же мне все сказала тогда, в моем девичестве. Зачем повторяться...

И вот мне двадцать два года. У меня уже двое детей. Тогда я и не помышляла о том, что моя судьба затащит меня в колдовскую рутину. Младший сын от рождения до двух месяцев крикун был. День, и ночь не давал покоя. Мы со свекровью по очереди с ним шагами квартиру мерили. Однажды свекровь пошла гулять с внуком. Она страдала бронхиальной астмой, и я всегда напоминала ей, чтобы она не забывала брать с собой ингалятор. Особенно когда с внуками гулять идёт. Напомнила и в этот раз. Больше двух часов они никогда не гуляли. А в этот раз через два часа она не появилась.

Я заволновалась. Три часа нет, четыре. Я запаниковала, потому что с ней мог случиться приступ в любом месте и в любое время. Выскочила на улицу, а куда бежать? Шла одна из соседок, сказала мне, что видела, как моя свекровь с коляской шла в сторону нашего центрального села, которое находилось в километре. Я была в шоке. Куда она пошла? Я побежала по дороге. Вскоре увидела её. Она спокойно шла с коляской обратно. Напряжение спало, и я расплакалась. Свекровь любила меня как дочь. Еле успокоила. Она рассказала мне, что ходила к местной знахарке показать своего орастого внука.

Та что-то пошептала, поплевала и сказала — если до четырнадцати часов следующего дня он хоть раз заорёт, то прийти к ней снова. Но мой сын проспал ни разу не просыпаясь. Мы несколько раз подходили и проверяли, дышит он или нет. С тех пор он больше не орал. Я решила отблагодарить знахарку. У свекрови и свёкра были корова и пасека из четырнадцати ульев. Пасекой занимался свёкор. Взяла я банку молока, литровую банку мёда, денег чуть-чуть и пошла к знахарке. Постучала в калитку. Знахарка вышла. Во двор не пригласила. Я ей сказала, кто я и зачем пришла. «Знаю я, кто ты! И чего ребёнка ко мне тащили? Сама колдунья, все умеешь» — ошарашила меня. Я спросила, с чего она взяла, что я колдунья.

«Вижу» — сказала. И повернувшись, пошла во двор, давая понять, что randevу закончено.

Так я в очередной раз услышала, что я — колдунья. Я не ощущала в себе этого качества. Но понимала — если знающие люди часто говорят мне об этом, значит так оно и было. Прошло полгода. Долго в декрете не сидела. Свекровь оставалась с внуками, а я вышла на работу. Ездила в районный город, до которого было восемнадцать километров. Работала в смену и после дневной успевала на последний автобус. В тот день сменщица задержалась, и я на автобус опоздала.

Стояла на остановке и думала о том, как сообщить домой, что я опоздала на автобус и придётся заночевать на работе. Пошла на вокзал и попросила позвонить соседке. У неё был телефон, и мы его все записали. Вот и понадобился. Я попросила соседку передать свекрови, что я останусь ночевать на работе, так как на попутках я опасалась ездить. Была уверена, что соседка передаст то, о чём я попросила. Я вышла из вокзала, чтобы пойти на работу. И тут меня окликнул женский голос.

Я повернулась и увидела свою бывшую хозяйку, тётю Сашу. Обрадовалась. Сказала ей, что не на чём ехать с работы домой, что пойду ночевать на работу. Про «ночевать на работе» я просто так сказала. Была уверена, что она пригласит меня переночевать к себе. Так и вышло. Подошёл городской автобус, и мы поехали к ней. У неё дома я увидела за столом мужчину. Это был брат тёти Саши. Помыв руки, мы присоединились к нему чаёвничать. Разговоры о том, о сём. Я рассказала тёте Саше про своё житьё-бытьё. Брат тёти Саши пристально смотрел на меня. Я не выдержала и спросила, чего он так смотрит на меня. В ответ он лишь усмехнулся. И повернувшись к сестре, сказал: «То, что нужно»

Я удивлённо смотрела то на тётю Сашу, то на её странного, для меня, по крайней мере, брата. «Дядя Коля» — сказал он мне. Меня представила тётя Саша. Дядя Коля встал, и сказав, что ему пора, засобирався. Мы пошли его проводить до автобусной остановки. На обратном пути я попыталась расспросить о дяде Коле, но тётя Саша оборвала мои попытки. Она вообще была резкой женщиной. Мы уже собрались спать, когда она мне сказала, что её брат очень сильный колдун, каких в России по пальцам одной руки можно пересчитать. Ему нужна ученица. Он приехал по её просьбе, потому мы с ним встретились. И ещё она мне сказала, что на остановке автобуса она неслучайно оказалась. Она меня ждала. Знала же, где я работаю. Позвонила и узнала в какую смену я работаю, когда приедет её брат. Встретила. А дальше... Впрочем, я и сама догадалась, что мы не просто так встретились в тот вечер. Вот так произошла моя первая встреча с одним из самых сильных колдунов России. Думаю, что ошибусь, если скажу, что одним из самых сильных колдунов на Земле. А тётя Саша достала из своей шкатулки сюрпризов ещё одну неожиданность. Сказала, что он решил взять меня в ученицы. Я была в шоке.

Спросила, почему он выбрал меня. Она только усмехнулась в ответ: «Ему видней. Твоё дело, согласиться или отказаться». Тогда я не могла решить, нужно мне это или нет, но представить себя колдуньей не могла. Тётя Саша вдруг сказала: «Твоя бабушка не зря к тебе приходила. Хотела она тебе своё колдовство передать во сне, но ей не дали. Кто и почему, не спрашивай. Только колдовать, как твоя бабушка, тебе никто не позволит. Помогать советами и рекомендациями она тебе будет. Ответы для тебя будет искать. Но передать уже ничего не сможет. Закрыли ей этот путь. Другому колдовству учиться тебе брат предложил. Торопить тебя никто не будет. Придёт время, сама придёшь».

Откуда она про визит бабушки узнала, я догадалась. Я с трудом переварила всю эту информацию и до утра не уснула. Впадала в дрему, и сразу дядя Коля снился. Просыпалась. Нет, не в холодном поту, конечно. Просто просыпалась. И все думала, нужно ли мне это — учиться колдовать. Вставал передо мной образ бабушки во всем чёрном. Мне не хотелось ходить в чёрном. Мысли молодости — неустоявшиеся мечты и мысли. Так ничего я в тот вечер и не решила. Но жизнь...

Как я уже писала, мне предстояло определиться хочу я или нет становиться колдуньей. Задатки, почва, способности — все это присутствовало, что подтверждали знающие люди. Но мне некогда было решать эту дилемму. От мужа я ушла с двумя маленькими сыновьями и мне нужно было их растить: кормить, поить, одевать — воспитывать. Дали мне от работы комнату в коммуналке тринадцать и восемь десятых кв. м. и пять семей впридачу. Дружбы не получилось. Я скупа на дружбу, а им очень хотелось обо мне всё знать. От меня ничего узнать не удавалось и они строили догадки, делали свои выводы, рождали и распускали сплетни. Но, как я уже писала выше, у меня была прививка от сплетен, которую мне в детстве «сделала» одна очень хорошая женщина.

В общем, как и везде в коммунальном пространстве были и хорошие соседи, и такие, которых видеть хотелось всего лишь раз — в гробу в белых тапочках. Одна мудрая женщина научила меня не слышать сплетни, обсуждения и осуждения. Я научилась и это часто помогало мне в жизни. Одна замужем — но чванливая и высокомерная, другая — пятидесятишестилетняя старая дева с. Эта дева страшная была. Я знала, что за глаза её называли «красотуля». На весь мир обиженная была за женское одиночество. Они на её ахи и вздохи по поводу неустроенной личной жизни внимания уже не обращали. Но любой её бзик обмусоливали на кухне часами. И тут в их серых коммунальных буднях появилась я. Все разом на меня и переключились. Они как по графику меня доставали. А «красотуля» от скуки — уже на пенсии ведь, больше всех старалась. Год я терпела их укусы. Особо не связывалась, так как любые мои противодействия вызывали у них ещё большее желание меня тиранить. На втором году прорвало. Не стану описывать, как я им ответила на все их выпады, но четверо моментально включили тормоз.

А вот «красотуля» уговориться не хотела. Не пропускала ни одной возможности подколоть меня, осмеять. Ведь она же материально обеспечена. У неё не было ни мужа, ни детей, ни родных — деньги на себя тратила. А я одна с двумя сыновьями, да на двух работах. Можно и посмеяться, чего там. И однажды она меня вывела. Мы были в кухне. Я варила вермишель, а она сидела за своим столом и смачно ела котлету. Наверное, думала, что я слюной подавлюсь. Как всегда, чем-то меня зацепила, я ответила. Не давали им покоя моя гордость и малоимущее материальное положение. Или она слабее себя меня увидела. Доев котлету, она подошла к раковине и стала мыть тарелку. Я услышала, как она меня назвала нищенкой, да ещё и убогой. Я могла бы не реагировать вовсе. Но именно в тот момент что-то щёлкнуло, и я не сдержалась. У неё на столе лежало зелёное яблоко. Я молча подошла и взяла его. Она опешила и застыла в ожидании, что будет дальше.

Своим ножом я разрежала это яблоко пополам, вытащила два зерна и забросила их в карман её халата, сказав при этом, что скоро ей будет не до смеха. Я сама не понимала, что делала и что говорила. За меня словно кто-то это делал. Подозреваю, что это бабушка мне подсобила. Придя в свою комнату, я не могла успокоиться. У меня был выходной, дети гуляли на улице. Всё! Решила! Решила, что научусь колдовать, превращу тётю Таню в какую-нибудь крысу. А соседок... ух! Так и не решила в кого их превращу. На следующий день, отведя детей в детский сад, я помчалась к тёте Саше. Когда возникла у неё на пороге, она ничего не спросила. Знала, что я прибегу. Это был первый шаг в колдовство.

У колдуна

наиболее интересные моменты моего обучения у колдуна

Через год произошла вторая встреча с колдуном. И снова дома у тёти Саше. В этот раз он приехал не один, а со второй своей сестрой Амадиной. Интересное имя. Но она разрешила называть её просто Мадина — без «тётя», хотя на тот момент ей было за пятьдесят. Чаепитие, разговоры. В этот вечер я узнала много интересного. В том числе и то, что Мадина была профессиональным медиумом. Тогда мне было непонятно значение этого слова и что за ним скрывалось. Потом мне всё рассказали и объяснили. Но это было потом. А в тот вечер меня накрыло огромной волной информации, которую я, впоследствии, переваривала не одну неделю. Теперь

я понимаю, что дядя Коля, тётя Саша и Мадина специально «нагрузили» меня полновесной информацией, чтобы я поняла, что меня ждёт, если я соглашусь обучаться у колдуна. Тогда я не понимала и не осознавала, что обучать меня пригласил настоящий и очень сильный колдун — дядя Коля.

Как я уже писала — жила я в коммунальной квартире. После случая с «красотулей» соседи немного приутихли, но всё равно их периодически прорывало в мелочах. То бак (для кипячения белья — прим. автора) на газ не так поставила, то мусор вовремя не вынесла. Я работала на двух работах, а мои сыновья, заигравшись, забывали про эту свою обязанность. И соседи это знали, но ведь желчь некуда было девать. Только я больше никогда не реагировала на их мелочные выпады. И они понемногу отстали. Мы не подружились, но топор войны зарыли где-то в общем коридоре. Возможно, я долго колебалась бы соглашаться или нет на обучение, но произошло событие, которое явилось сильной мотивацией для моего «согласна». Так я попала на двухлетнее обучение к колдуну.

Думаю, что вам не интересно, как я готовилась к началу обучения. Не стану подробно описывать мой тернистый путь познания. Напишу лишь несколько, на мой взгляд, самых познавательных и интересных эпизодов из моей очень суровой ученической жизни. А что дядя Коля был очень требовательный, жёсткий, бескомпромиссный и суровый — не сомневайтесь. И плакать довелось до безудержных рыданий, и сбежать хотелось не раз, бросив всё и вся. Дядя Коля и не держал. На любое моё нытьё и сетования на трудности, говорил: «Не можешь — не берись, а коли взялась за гуж...» и что-то вроде: «Ты тут не в плену и не в рабстве. Не устраивает, тяжело, больно — уходи». Но говорил это так, что мне всегда становилось стыдно, и я оставалась. На многие мои вопросы у него был один ответ: «Не хочешь услышать глупый ответ, не задавай глупых вопросов». Ну и что-то вроде: «Не лезь вперёд бабки в пекло». Уже через пару месяцев обучения у него я отучилась задавать любые вопросы, потому что поняла, что он точно знает, когда и что сказать. И постепенно научилась задавать нужные вопросы — каждый в своё время. Научилась определять для вопросов «своё» время — то есть своевременно, своевременные.

Дядя Коля категорически не терпел необдуманных и безосновательных возражений и разговоров «не по делу». Любое «анти», «а Баба Яга против!» должно было быть максимально обоснованным, объяснения весомыми и лаконичными. Уже через три месяца мы с ним общались, как в операционной во время операции: «Скальпель. Зажим. Тампон». Я научилась слышать просьбы и пожелания в его молчании. Он протягивал руку, а я уже знала, зачем и что ему подать или принести. И так во всём. Однажды я спросила его, будет ли у меня какая-либо бумажка, удостоверяющая мои познания в колдовстве. Он посмотрел на меня так, что я навсегда забыла, какой вопрос задала. А он придумал такую воспитательную меру. За каждый мой глупый, по его мнению, вопрос, я должна была искать иголку в стоге сена или чёрную кошку в черной комнате. Нет, не в прямом смысле, конечно. Хотя от этого недалеко. Он показывал мне предмет, чуть ли не нюхать давал. Потом вел меня понятному и известному только ему маршруту. По пути прятал этот предмет. Как и каким образом, не отходя от меня на протяжении всего маршрута, он умудрялся это сделать — загадка для учёных мужей.

Мне пришлось подвести жирное «cancel» под моим перечнем вопросов и тем самым избавить себя от перспективы стать ищейкой. Все свои пробные версии уроков, приближающих меня к обучению, дядя Коля называл подготовительными. Наставлял: «Настоящая колдунья должна уметь, знать, понимать...». И далее перечислял всё, что входило в эти подготовительные: «уметь, знать, понимать». Список был длиннее списка моих вопросов, поверьте. На

мои робкие: «А это зачем?» — напоминание о загадочных маршрутах с тайными закладками. Пришлось обнулить гордость и любопытство.

Я расскажу о нескольких подготовительных уроках дяди Коли

Во время обучения я неделями жила в лесном доме дяди Коли в Тверской области. Большой, двухэтажный бревенчатый и очень уютный на участке в три гектара. Ни за что не скажешь, что это дом колдуна. Не было никакой роскоши, однозначно. Не было и страшной таинственности. Всё в деревенском стиле: деревянные столы и лавки, русская печь и так далее. На втором этаже жила я и его сестра Мадина. Ходить друг к другу в комнаты было не принято. В большой комнате на первом этаже дома жил сам дядя Коля. Поговорить, попить чайку и поесть собирались в уютной столовой на первом этаже.

В добротной пристройке с отдельным входом жила помощница по хозяйству: повар, уборщица, прачка и так далее. Мы с ней общались на разные темы, но никогда не касались темы моего обучения и личной жизни друг друга и других обитателей усадьбы. В глубине участка, ближе к лесу, на расстоянии пятидесяти метров друг от друга, стояли два добротных одноэтажных бревенчатых дома — побольше — сто двадцать квадратных метра, поменьше — девяносто квадратных метров. Тот, что поменьше — таинственная обитель Мадины. Что побольше — рабочая площадь дяди Коли. В этом доме я и обучалась. Нет необходимости описывать интерьер этого дома.

Напишу лучше то, что обещала — наиболее интересные моменты из моего обучения. Жёсткие и суровые уроки. Они потом не раз помогали мне в решении задач и проблем, в преодолении черных полос. В процессе обучения было немало сложных заданий, которые формировали во мне разные качества. Дядя Коля был крайне скуп на похвалу, но я чувствовала, когда ему по нраву результаты выполненных мной заданий, а когда не угодила. Мне приходилось контролировать каждое действие, каждое движение, каждое слово, чтобы не нарваться на какое-нибудь наказание в виде поиска того, не знаю, чего или сортировки пыли. Но не всегда его требования выполнить что-то, были наказанием. Он развивал во мне качества, необходимые любому профессиональному оккультисту и просто мне, как человеку.

Раздражительность — не самое лучшее и очень трудоёмкое качество. Уже несколько месяцев я обучалась у колдуна и постоянный контроль своих эмоций, действий, слов, поступков дали о себе знать. В один из ясных погожих дней уходящего лета... Так начинаются многие сказки. Смешно, правда? Вот и я вошла в тот день, как в сказку. Довольная жизнью, судьбой, летом, прекрасным утром, природой и прочими прелестями существования, я отправилась из дому в учебную обитель для получения новых знаний. Не стану описывать все учебно-воспитательные методики дяди Коли. Получится отдельная книга.

«Спокойствие! Только спокойствие!»

Как всегда, начали мы с лёгких, по мнению дяди Коли заданий — что-то из атрибутов убрать, что-то почистить, что-то помыть. Не поняли мою иронию? Атрибуты — кадки, перенести мешки с травой, объемные тазы. Деревянные корыта с места на место переставить. В вашем представлении тазики, ведра и корыта, как у нас в квартирах и домах? Нет! Это объемные деревянные ёмкости. И, чтобы помыть кадку, нужно в неё забраться почти с головой.

Переворачивать запрещается. Почему деревянные? Потому что это колдун. У него девяносто процентов массивных атрибутов из настоящего дерева. И лишь десять процентов — из специального металла. Я не могу, да и не хочу перечислять атрибуты. Не думаю, что это важно для читателя. Колдуны знают, какие они — их деревянные и металлические помощники.

Так вот. Таскала, перетаскивала, мыла, чистила. Нужно отдать должное дяде Коле — он не поручал мне то, что мне было не под силу: таскать мешки с углём, пилить и колоть дрова и так далее — делать мужскую работу. Хотя в детстве мне пришлось пилить и колоть дрова. Для этой работы у него был помощник по хозяйству мужского пола. Всё, что мне поручил сделать дядя Коля, я должна была сделать за определённый отрезок времени. И, поскольку, я с детства приученная делать всё быстро и качественно, и поручения дяди Коли я делала быстро и, как мне казалось, качественно. Но он всегда находил изъяны и тыкал меня в них носом. Так вышло и в этот ясный погожий денёк. Сделав порученную работу, я с чувством исполненного долга зашла в дом и села на лавку возле массивного деревянного стола. Всего в комнате их было три — стоящих рядом через пару метров друг от друга. У каждого было своё предназначение. На одном из них стояла деревянная посуда: чашки, миски, кружки и так далее. На втором тазики, веники, лоханки. Об их назначении и я узнавала в процессе обучения. Расслабилась.

«Иди-ка сюда!», — услышала я со двора голос дяди Коли. Вышла. Он стоял возле одной кадки, которую я, судя по всему, пропустила и не помыла. В кадках дядя Коля запаривал травы и окунал в кадку с настоем «порченных». Для каждого вида порчи и человека определённая трава. Впрочем, как и все деревянные, металлические и прочие — для исполнения каких-либо ритуалов. Всему этому он меня и учил. Итак, ясный погожий... После «Иди-ка сюда» мне почти час пришлось драить забытую мной кадку. Я недовольно ворчала. Мне казалось, что я возмущалась настолько «про себя», что сама себя не слышала. Утерев пот со лба и выдохнув усталость, я вернулась в дом. Подойдя к столу, увидела стоящие на нем деревянные чаши с крупами и бобовыми: гречкой, горохом, рисом, перловкой, просом, чечевицей, фасолью. Не тазики, а именно чаши с высокими краями. В каждую вмещалось ведро воды. Можете представить себе десятилитровое ведро крупы? Я обрадовалась, решив, что дядя Коля будет посвящать меня в таинство ритуалов, в которые входили элементы работы с крупами и бобовыми. И я не ошиблась.

Дядя Коля подвинул ко мне большой деревянный ушат. Поочередно ссыпал в него все ингредиенты и тщательно перемешал деревянной лопатой. Затем поставил передо мной пустые чаши. «Продолжай ворчать, но уже с пользой для себя и для дела». Я попыталась возразить, сказав, что я не раздражалась. Моя попытка окончилась тем, что дядя Коля принёс ведро манной крупы и всыпал в тазик со смесью. Так же тщательно размешал. «Перебирай крупу и раскладывай её по чашам, Золушка. Учись управлять эмоциями и не распускаться». Можете себе представить эту смесь: крупа, бобовые и манка. Не буду расписывать, как я по четыре часа в день перебирала, сортировала. Ушло у меня на это почти два месяца. Я, действительно не ошиблась, что он меня посвятил в таинство умения контролировать свои эмоции и никогда ни на кого не вываливать свою раздражительность.

Когда мне было шестнадцать лет, одна очень мудрая женщина, увидев меня раздражённой и в гневе, подвела меня к зеркалу и попросила состроить злобную гримасу. Я, конечно, удивилась этой просьбе, но состроила. Неприглядное зрелище, скажу я вам. Она мне сказала: «Вот такой тебя будут видеть, когда ты впадаешь в истерику, гневаешься, злишься, раздражаешься». Мне не понравилась моя разгневанная физиономия, и я решила, что люди никогда не

увидят на моём лице гримас гнева, истерики и раздражительности. Елена Сергеевна (так звали мудрую женщину) и дядя Коля научили меня «Спокойствию! Только спокойствию!»

«Не ищи лёгких путей» и «Не учись лукавить»

Где-то на втором этапе обучения. К тому времени я много чего узнала о травах, о настоях и настойках, о кадках, тазиках и чашах. К дяде Коле приезжало много людей. Я помогала ему во многом — чистила чашки, кружки, насыпала, подносила и так далее. До момента, когда я начала участвовать в отправлении колдовских ритуалов, было еще очень далеко. А до тех пор дядя Коля учил меня быть человеком. Вот еще один из уроков жизни.

В самом начале обучения он сказал мне, что никаких записей вести не будет. «Что запомнишь, то твоё. За другим не гонись, не ищи в памяти то, чего не запомнила с первого раза» — говорил он. Он всегда так — сначала рассказывал, а потом показывал. И так во всём. Домашних заданий и повторений пройденного материала не предусматривалось. Однажды мы с дядей Колей возвращались из леса — собирали коренья. Он рассказывал мне о том, какой корешок от чего и как его готовить. Я внимательно слушала. Говорил о деревьях, которые попадались нам по пути: названия, о вредных и полезных свойствах листвы, коры и так далее. Я, конечно же, смотрела на эти деревья, слушала, но не понимала, зачем он мне всё это говорит. Спрашивать не решалась и надеялась, что дядя Коля позже объяснит мне, зачем он проводил со мной этот урок природоведения.

Пришли домой, поужинали, и я расслабилась, предвкушая отдых после этой деловой прогулки. Рано расслабилась. Дядя Коля подозвал меня к массивному столу на веранде, возле которого стоял короб с принесёнными из леса кореньями.

«Разбирай по цвету, сортируй и раскладывай по корзинкам». Я оглянулась вокруг в поисках корзинок. Он показал мне под стол и ушёл. Мне показалось, что я быстро справлюсь с заданием. Но мне это только показалось. Полезла под стол за корзинками. На разборку, сортировку и раскладывание корешков по корзинам у меня ушло четыре часа. «Какая я молодец!» — порадовалась я за себя, когда работа была закончена. Дядя Коля посмотрел на мою работу, но не похвалил. Огорчиться я не успела, так как получила новое задание.

«Хорошо помнишь дорогу, по которой мы возвращались домой?» — рассматривая коренья в корзинах, спросил меня. Я утвердительно кивнула головой. Он переспросил еще раз. Я снова кивнула. Переспросил еще раз. «Помню» — сказала. «Язык на месте, оказывается, — усмехнулся, — если уверена в ответе и не опасаясь последствий своего ответа — отвечай словами. Ответ кивком могут не заметить». Я поняла и была благодарна, что за этот маленький косяк мне не пришлось перебирать крупу или искать иголку в стоге сена. Много позже поняла смысл его тогдашних слов. «Ну, раз хорошо помнишь, иди по этой дороге в обратную сторону. На третьем повороте за кустом боярышника стоят три дерева. С третьего надерёшь коры и принесёшь. Как снимать кору, ты уже знаешь». Сказать что-то против я не рискнула, конечно же.

Когда днем мы с дядей Колей возвращались домой, дорога показалась мне очень короткой — за разговорами. Теперь дело было к вечеру. Но нужно было идти. Я была уверена, что хорошо запомнила дорогу и всю придорожную флору, и что вернусь быстро. До первого поворота я дошла быстро. И тут я поняла всю коварность задания дяди Коли и его троекрат-

ный вопрос, хорошо ли я запомнила дорогу. На повороте вилка — дороги направо и налево. И по какой идти? Это в сказках указательные знаки вроде: «Направо пойдёшь... налево пойдёшь...». У меня в арсенале было моё амбициозное и лукавое «помню». Вот к нему я и обратилась. А оно отказалось мне помогать. Я напрягала память, но она была на стороне дяди Коли с его коварным заданием. Мне не удалось вспомнить, по какой из этих двух дорог мы шли, и выбрала наобум. Оказалось, что свернула я к очередному наказанию в виде поиска иголки в стоге сена.

Шла, но второго поворота и не предвиделось. Поняла, что пошла не той дорогой и решила схитрить. Боярышника в лесочке хватало, а вот куст, который соседствовал бы с тремя деревьями, мне никак не попадался. То два дерева рядом, то одно, то четыре. И я подумала, что никакой разницы между кустом боярышника с тремя деревьями рядом и боярышником с одним деревом нет. Да и кто увидит? Как он (дядя Коля) узнает, что кора не оттуда? Подошла к одинокому дереву у одного из кустов неподалёку от дороги и приступила к выполнению задания. Не успела сделать надрез в коре, как моя пятая точка познакомилась с коромыслом. Дядя Коля умел ходить тише кошки и всё это время незаметно шёл за мной. Коромыслом преподавал мне ещё один урок и подготовил меня к очередному домашнему заданию. Зачем шёл? Причины две. Первая — ему было интересно, что я буду делать, когда не найду куста боярышника с тремя деревьями по соседству. И вторая — что я ему скажу, когда он застанет меня на месте моего лукавства. Что я делала — он увидел. А желание оправдываться у меня отбило ещё одно взаимодействие коромысло с моей пятой точкой. Я поняла, что на этот раз одним поиском иголки в стоге сена мне не обойтись.

Домой мы возвращались молча. Я шла позади дяди Коли, опасаясь, что по пути он снова огреет меня коромыслом. Когда пришли, он прочёл мне целую лекцию по поводу моего низкого поступка: «Если не смотрят, это не значит, что не видят, не значит, что не знают, не значит, что не проверят. Подло думать, что можно быть хитрее того, кто доверил, поверил, поручил и понадеялся и не делать так, как поручено доверием». При этом, он ходил от стола к столу и зачем-то переносил с одного на другой деревянные миски, плошки, кружки. Я слушала внимательно, так как уже знала, что он может меня спросить о чём он мне говорил. И я должна была ответить ему чуть ли не слово в слово. Неожиданно он остановил свою лекцию и сказал мне, показывая на посуду на соседнем столе: «Переставь на стол, с которого я её только что переставил». На мой недоумённый взгляд он даже не отреагировал и ничего объяснять не стал. Я, зная о последствиях от нелепых и неуместных вопросов, не рискнула спросить, для чего и зачем. Молча начала переносить посуду на стол. «А чего молчишь?» — спросил. — Рассказывай, что я тебе только что говорил. Я начала рассказывать.

Переставив посуду на другой стол, я с чувством выполненного долга присела на лавку возле него. Но день был явно не мой. Вся посуда со стола слетела на пол: «Собери и поставь заново!» — услышала. Понимая, что возмущаться — это утопия, я покорно начала собирать посуду и ставить на стол. Молча не получилось. Пришлось снова рассказывать всю лекцию дяди Коли. Вроде справилась. Подняла всю посуду. Но она снова слетела со стола. Собирала, рассказывала. Собирала, рассказывала. И так несколько раз, пока я не поняла, что от меня требуется. А всего-то нужно было, чтобы я поставила посуду именно так, как она стояла изначально на столе, с которого дядя Коля её переставлял на другой стол. Мне хотелось плакать. Дядя Коля это понял. Но ни на жалость, ни на сочувствие и послабления я не надеялась.

Поскольку вечер постепенно интегрировался в ночь, мне было разрешено слегка перекусить и отправляться спать. Что я и сделала. За один трудный день было пройдено три урока:

никогда не гадить у человека за спиной — не видит не значит, что не знает или не узнает. Очень жёсткий урок на внимательность: слушать, слышать, видеть и чётко запоминать. А главное, дядя Коля меня научил не стыдиться признаться, что чего-то не поняла, не запомнила, не усвоила. И всегда в этом честно признаваться. Уметь признаваться в своих ошибках, стремиться их исправить. Вывод — лукавить можно только во вред себе. Призналась бы я дяде Коле, что не запомнила дорогу, не было бы «осложнений» в обучении в виде посуды и других жизненно важных тестов.

Говорят, прекрасно, когда утро начинается с улыбки. Вот и моё утро следующего дня началось с улыбки. Молодая, симпатичная, волевая, целеустремлённая. Живу и радуюсь. Но всегда найдётся то, что сотрёт с лица радость. После завтрака я, как всегда, отправилась в «лесную школу». Зайдя в дом, с опаской покосилась на столы. Посуды на них не было. Облегчённо вздохнула и села к столу, за которым, как за партой, и обучалась. Пришел дядя Коля. Он молча поставил передо мной четыре деревянные миски. Рядом с ними положил деревянные ложки — слева большую, деревенскую, справа — маленькую, размером с чайную. Возле каждой чашки насыпал по приличной кучке сушёной травы. У каждой чашки трава определённого цвета и запаха. Сказал мне, чтобы я ложкой переложила траву в чашки, напротив которых были кучки. Я взялась за большую ложку около первой чашки и, зачерпнув траву из кучки, высыпала в чашку. И на утренний десерт получила ещё один урок жизни. Со словами: «Лёгких путей ищешь?», он убрал ложки и перемешал всю траву. «Разбирай!» — с усмешкой сказал. — «Каждый сорт травы в отдельную чашку». О каких лёгких путях он говорил, я поняла очень быстро. Я должна была взять маленькую ложку. Я сидела и смотрела на большую кучку травы и понимала Золушку. Только вот помощников: мышей и птичек у меня не предвиделось. Четыре месяца, сортируя траву, я училась не искать лёгких путей.

Потом были и другие уроки, которые мне очень помогали в жизни. Один из них научил меня отсеивать ненужную информацию, моментально фильтруя и сортируя её. Как? Долго рассказывать. Скажу финал. В конце обучения прочитал мне десять заклинаний и сказал, что воспользоваться я могу только теми, которые запомню с первого раза. Об остальных должна забыть навсегда. Я запомнила три. Так я научилась запоминать только то, что нужно. Но это уже другая история.

КАК Я ЗА ДИПЛОМОМ ХОДИЛА, ДА НЕ ВЫХОДИЛА

Однажды, в начале девяностых, гуляя по ВДНХ, я забрела в павильон, в котором наткнулась на рекламную вывеску «Проверьте, есть ли у вас дар ясновидения». Мне стало интересно. Подошла к конструкции в форме шатра, обтянутого чёрным материалом, около которой стоял небольшой столик. За ним восседала дородная деваха, которая продавала пропускные билеты в тайны наших возможностей и способностей. За пять рублей я могла узнать, умею ли я ясно видеть. Прошла внутрь «шатра».

Посередине стояли в ряд несколько кабинок. В одну из них завели меня. Царил полумрак. На одном столике разместился компьютер, рядом стоял стул. В метре от стола с компьютером стоял ещё один столик, у которого на стуле села женщина. Она сказала мне, чтобы я уселась удобней, отвлеклась от внешнего мира и сосредоточилась на мониторе. Будет двадцать восемь попыток. Я с минуту сосредотачивалась. Затем она включила программу. На экране монитора появились закрытые карты. Так я впервые познакомилась с картами Зенера. Пусть даже не настоящими.

Минуты две я всматривалась в центр этой карточной конструкции, напрочь отключившись от внешних раздражителей. Тест начался. Я должна была определить, какая фигура была изображена на карте в центре круга. Но я не видела, а знала, потому быстро и безошибочно определила двадцать четыре фигуры. На двадцать пятой попытке все разом оборвалось. Наблюдавшая за моими стараниями женщина уронила со стола калькулятор. Этот резкий звук моментально включил все внешние раздражители, и остальные три попытки накрыли медным тазом мой ясный дар.

Женщина включила настольную лампу. Внимательно посмотрела на меня и спросила, давно ли я практикую ясновидение. Я сказала, что никогда не практиковала. «Высокий, но не уникальный результат. Если бы вы все двадцать восемь раз угадали фигуры в центре. Ясновидящей вас назвать можно. Жаль, что не все двадцать восемь попыток удачные... жаль» — сказала она мне на прощание. Так я и не узнала, о чём пожалела та женщина.

Но меня этот провал не расстроил, так как в будущем я не собиралась становиться ясновидящей пророчицей. И потом, если бы она не уронила калькулятор, может мне посчастливилось бы угадать всё двадцать восемь картинок. Падение математического атрибута отвлекло моё внимание, и навсегда лишило меня возможности иметь какое-нибудь умное и высокопарное заключение о наличии у меня столь великого дара — ясно видеть. Наверное потому я и не увидела, что с картами эта первая встреча с картами Зенера — не последняя.

Итак, о моих потугах стать «диплом'''ированной колдуньей

В тех же девяностых, на заре оккультного бума в России, модно было иметь хотя бы один диплом, подтверждающий наличие паранормальных способностей. В погоне за регалиями, званиями и подтверждениями в форме дипломов, свидетельств, удостоверений, люди неистовствовали, разрываясь между курсами, семинарами, школами, центрами, академиями, которые вырастали, как грибы после тёплого дождя. Эти «высшие учебные» фанатично штамповали

волшебных дел мастеров вагонами. Чем выше по «статусу» и авторитету было, так называемые «высшие школы», тем «потомственной» и «могущественней» был его выпускник.

Направо и налево раздавались звания магистров и академиков разных степеней и ступеней. До одури хвастались оккультные академики и магистры друг перед другом «древними знаниями» от предков, умерших в эпоху Ярослава Мудрого или во времена Всемирного потопа. Все конвейерно-родовитые чародеи, безусловно, «владели и обладали» тайнами колдовства, магии, ясновидения, могучими заклинаниями и заговорами. Эти тайные знания «обязательно» передавались из поколения в поколения по какой-либо определённой линии, только ему — единственному и избранному.

По всей России из многовекового забвения и запрета выползли многочисленные оккультные потомки. Экстерном готовились потомственные, в седьмом колене маги, знахари, экстрасенсы, целители. Завсегдатай вытрезвителя в период между «белочками» или пациент «психушки» в период ремиссии его диагноза, запросто мог стать доктором оккультных наук, академиком магии и ясновидения, целителем и экстрасенсом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.